

А если кто-то увидит? Разве не решат, что я ворую трупы? Нет, не то... В общем, если кто-то увидит столько костей, я не смогу оправдаться.

Старик в цветастой одежде выдохнул два слова:

— Погонщик трупов.

Пань Сяоси надула щеки:

— Ой, я так не умею. К тому же погонщики обычно водят свежие трупы. Дедушка, это же просто белые кости, как их вести? Кхм, это ведь высший пилотаж, нет?

Старик в цветастой одежде ответил:

— Разницы нет. Если ты сможешь их повести, они пойдут. Как только останки вернутся на родину, души смогут покинуть Гробницу рода Цянь. Когда энергия зла рассеется, тогда и можно будет забрать куклу-марионетку.

Пока Пань Сяоси колебалась, призраки в маленькой хижине хором взмолились:

— Девушка, помоги нам, умоляем! Мы все хотим домой.

Пань Сяоси нахмурилась:

— Я и сама хочу домой, но в том-то и дело, что в искусстве погонщика я разбираюсь лишь поверхностно. Если допущу ошибку, последствия будут ужасными. Как я могу так рисковать?

Призраки из хижины отозвались:

— Мы будем сопровождать тебя всю дорогу. Помоги нам, мы правда очень хотим домой.

Старик в цветастой одежде добавил:

— Если они будут идти дружно и не свернут с пути, малышка, можешь не волноваться.

Пань Сяоси указала на Май Баобao:

— Тогда сначала отпусти мою подругу. Она знает Фаншу, мы вместе их проводим, а потом вернемся в Гробницу рода Цянь за куклой. Так пойдет?

Старик в цветастой одежде покачал головой:

— У искусства погонщика трупов есть временные рамки. Чтобы уложиться, порой приходится идти день и ночь, не говоря уже о тяготах пути. Малышка, если ты действительно согласишься, я от лица рода Цянь буду тебе бесконечно благодарен. Выходите завтра, через семь дней вы должны вернуться в Гробницу рода Цянь, иначе все старания пойдут прахом.

Пань Сяоси скривила губы:

— Прошу, называйте меня Бан Цзюаньшу, спасибо. Я давно уже не малышка.

Май Баобао сказала:

— Отпусти нас домой, я подготовлю нужные инструменты, и завтра мы отправимся в путь.

Старик в цветастой одежде усмехнулся:

— Хорошо, госпожа Бан, побеспокою тебя. Присмотри по дороге за Баобао.

Пань Сяоси снова огрызнулась:

— Дедушка, у меня на душе беспокойно. Я ведь просто девушка, а вы зовете меня госпожой Бан, от этого мне еще тревожнее. Другие водят нормальные тела, а я — скелеты, это же уму непостижимо!

Старик в цветастой одежде протянул руку, схватил Май Баобао и вытянул её из хижины, поставив рядом с Пань Сяоси:

— Баобао теперь на тебя, госпожа Бан.

Пань Сяоси принялась часто дышать, успокаиваясь:

— Ладно, ладно, договорились.

Госпожа Цянь только переступила порог поместья, как Цянь Линьби с мрачным видом спросил:

— Разве ты не должна была поститься и размышлять о своих ошибках?

Даос Сюаньмин, следовавший за госпожой Цянь, вошел следом и поклонился Цянь Линьби:

— Господин Цянь, в поместье чувствуется энергия зла, я пришел взглянуть.

Цянь Линьби улыбнулся:

— О, это же даос Сюаньмин. Прошу, проходите.

Даос Сюаньмин окинул двор внимательным взглядом и спросил:

— Откуда изначально исходит эта энергия зла?

Не успел Цянь Линьши ответить, как госпожа Цянь проговорила:

— Даос, впервые я заметила её в комнате нашей дочери, Чжэнь-эр.

Она повернулась к мужу:

— Господин, ей стало лучше?

Цянь Линьши опустил голову и покачал ею:

— Мне кажется, кровь и ци у Чжэнь-эр восстановились, но она в последнее время не притрагивается к еде, запирается в комнате и даже со мной, своим отцом, не желает разговаривать.

Госпожа Цянь предложила:

— Тогда попросим даоса осмотреть комнату дочери, вдруг там осталось что-то нечистое?

Цянь Линьши хотел было возразить, но, увидев, как затряслась тыква-горлянка на поясе Сюаньмина, опустил руки:

— Прошу.

В душе же он тревожился: Юй-нян — женщина рассудительная, в тот день она сказала, что Чжэнь-эр вне опасности, и не станет мелочиться. Но теперь, когда на пороге появился даос из обители Хунлин, что мне делать? Он беспокоился, но не мог остановить Сюаньмина, направляющегося в комнату Цянь Сыюй, и лишь семенил следом, с тревогой наблюдая за происходящим.

Даос Сюаньмин осмотрел комнату снаружи, постучал в дверь и позвал:

— Юная госпожа, я даос Сюаньмин из обители Хунлин, пришел с господином и госпожой Цянь. Не могли бы вы открыть дверь и ненадолго показаться?

Он позвал несколько раз, но ответа не последовало. Сюаньмин обернулся:

— Господин, как видите...

В этот момент дверь со скрипом отворилась. Цянь Сыюй стояла на пороге и с поклоном произнесла:

— Чжэнь-эр приветствует отца и мать. Сыюй приветствует даоса.

Когда Сюаньмин снова обернулся, он остолбенел:

— Вторая... вторая госпожа?

Цянь Линьби рассмеялся:

— Даос Сюаньмин, это моя младшая дочь Сьюй, ей уже шестнадцать, выросла настоящей красавицей, ха-ха.

Госпожа Цянь молча смотрела на Цянь Сьюй, закусив губу. Прошло шестнадцать лет, и если бы не случайное замечание даоса, она бы до сих пор не заметила, что её ребенок так похож на Юй-нян. Цянь Линьби подошел к Цянь Сьюй:

— Чжэнь-эр, у даоса глубокие познания, он просто хочет изгнать из дома зло. Не бойся.

Цянь Сьюй слегка улыбнулась и обернулась к Сицюэ:

— Сицюэ, проводи меня в сад.

Госпожа Цянь смотрела ей вслед и думала: слишком похожа, даже походка — словно из одной формы отлиты. Как моё дитя, моя Чжэнь-эр, могла стать такой? Даос Сюаньмин сухо кашлянул, скрывая неловкость, и вошел в комнату Цянь Сьюй. Увидев на столе талисман защиты тела, нарисованный Пань Сяоси, он стал еще внимательнее. В комнате не было ни призраков, ни энергии зла, как в самом обычном доме. Он вернулся к столу и, глядя на желтый талисман, погрузился в раздумья.

Цянь Линьби не выдержал:

— Даос, ну как?

Сюаньмин вышел из комнаты:

— Как обычно. Господин Цянь, позвольте осмотреть другие места?

Цянь Линьби кивнул:

— Даос, делайте как знаете.

Госпожа Цянь тоже зашла в комнату, внимательно посмотрела на талисман, а выйдя, задумчиво уставилась в ту сторону, куда ушла Цянь Сьюй. Тыква на поясе Сюаньмина снова задрожала. Он широким шагом направился на задний двор, посмотрел на сарай, поднес тыкву к губам, что-то прошептал и, открыв пробку, выпустил маленького призрака, который юркнул в сарай.

Цянь Линьби тихо спросил:

— Сарай — место незначительное, почему вы там?

Госпожа Цянь про себя усмехнулась: Сюаньмин — человек не промах, господин, долго ли ты сможешь выгораживать ту потаскуху? Уголок её губ дрогнул в едва заметной улыбке.

Сюаньмин не ответил, сосредоточенно читая заклинание. Цянь Линь ходил вокруг него, пока даос не бросил на него взгляд и не перевернул тыкву. Маленький призрак выскочил из сарая и тонкой струйкой дыма втянулся в горлышко. Цянь Линь остановился у дверей сарая, желая что-то спросить, но промолчал. Сюаньмин закрыл глаза и улыбнулся:

— Господин Цянь, пойдёмте в вашу спальню, на заднем дворе всё как обычно.

Цянь Линь с облегчением выдохнул и невозмутимо произнес:

— Даос, прошу.

Госпожа Цянь была в недоумении: она своими глазами видела, как Чжу Ша вылетел из сарая, неужели Сюаньмин этого не заметил? Она молча наблюдала за ними, скрывая свои мысли, и пошла следом.

Сицюэ поставила чашку чая на каменный стол и обратилась к застывшей Цянь Сьюй:

— Госпожа, выпейте, пока горячий.

Цянь Сьюй рассеянно кивнула:

— Угу.

Сицюэ не находила себе места и обеспокоенно спросила:

— Госпожа, о чем вы всё время думаете?

Цянь Сьюй, не поднимая головы, ответила:

— Похолодает скоро.

Сицюэ удивленно открыла рот, пододвинула чашку ближе:

— Тогда... госпожа, выпейте, пожалуйста. Вы два дня ничего не ели и не пили, так и заболеть недолго.

Цянь Сьюй спросила:

— Сицюэ, как думаешь, когда этот даос уйдет?

Сицюэ запнулась, присела у ног госпожи:

— Госпожа, вы в последнее время такая странная, мы почти не говорим. Вы выглядите такой

встревоженной: то о погоде печетесь, то о посторонних в доме. О чем вы думаете?

Цянь Сыюй подняла голову к небу:

— Угу.

Сицюэ с досадой вздохнула и тоже посмотрела в небо.

Пань Сяоси помогла Май Баобао установить в Гробнице рода Цянь железный котел. Наблюдая, как та бросает в него кости, извлеченные из хижины, и глядя на огонь, разгорающийся под котлом, она хотела спросить о многом, но, видя, как внимательно смотрят призраки, промолчала. Когда котел переполнился, Май Баобао принялась плотно утрамбовывать кости. Пань Сяоси не выдержала:

— Баобао, ты правда хочешь запихнуть эту гору костей в такой маленький котел?

Май Баобао стерла сажу с лица:

— Конечно, ни одной косточки нельзя оставить.

— Почему? — Пань Сяоси сделала два шага вперед и подбросила дров.

Май Баобао скребком из персикового дерева собрала всплывший на поверхность жир и нанесла его на большой медный гонг. Она взглянула на Пань Сяоси:

— Чтобы закрепить души. Это сложно, боюсь, ты не поймешь. Неважно, идешь ты впереди или замыкаешь шествие, этот гонг и колокольчик — сигналы. Сначала мы закрепим их души на гонге. Стоит ударить в гонг и звякнуть колокольчиком, как они сами поймут, что надо идти домой.

Пань Сяоси зажала нос:

— Но запах такой странный. У меня всего две руки, как я буду одновременно бить в гонг и звенеть колокольчиком? Раньше я знала только колокольчик, про гонг и речи не было.

Май Баобао, поглощенная гонгом, ответила лишь спустя время:

— Твой наставник был никудышным.

Пань Сяоси замолчала, присев на корточки и закрыв нос. Май Баобао, как заправская наставница, принялась перечислять правила погонщика трупов. Пань Сяоси старательно запоминала. Она улыбнулась:

— Баобао, ты — профи, лучше тебе этим заняться. Я новичок, боюсь, всё испорчу.

Май Баобао ответила улыбкой:

— Как ты и сказала, другие водят трупы, а мы — скелеты. Это высший пилотаж, я и сама боюсь. Помни, я буду помогать. Береги гонг, когда нужно ударить, бей другой стороной колокольчика прямо в центр. Один удар — и в путь, больше не бей. Можем начинать.

Пань Сяоси взяла инструменты, чувствуя, как внутри всё сжалось от напряжения. Она прочла заклинание, которому её научила Май Баобао, и трижды ударила в гонг. Кости в котле начали сами собой собираться в скелеты и выстраиваться в колонну. Пань Сяоси пришла в восторг, затаила дыхание и пересчитала их — около пятидесяти. Она снова прочла заклинание, ударила в гонг, и весь строй скелетов сделал шаг левой ногой. Звякнула колокольчиком — и они одновременно шагнули правой. В этот миг Пань Сяоси почувствовала себя важным полководцем на параде. Она махнула рукой призракам в Гробнице рода Цянь и, совершенно забыв о том, что не знает дорог эпохи Сун и карт у неё нет, поспешно начала свой путь погонщика.

В резиденции Шаншу госпожа Цянь, под предлогом поисков Цянь Сьюй, направилась в задний сад и столкнулась с даосом Сюаньмином, возвращавшимся после осмотра спальни.

— Даос, в комнате Чжэнь-эр есть что-то неладное? — прямо спросила она.

Сюаньмин ответил вопросом на вопрос:

— В вашем доме есть кто-то, кто разбирается в Фаншу?

Госпожа Цянь ответила:

— Слуги неграмотны, боюсь, вы напрасно тревожитесь.

Сюаньмин выдохнул:

— Хм, тогда кто нарисовал желтый талисман в комнате юной госпожи? Это талисман защиты тела, отгоняющий зло. Подумать только, она — дочь высокопоставленного чиновника, благородная девица, не покидающая пределов дома. Если не вы подарили его, откуда он взялся? К тому же, в доме бесчинствует дух Чжу Ша, а раз есть защита, значит, кто-то оберегает вашу дочь. Кто же это?

Госпожа Цянь задумалась и кивнула:

— Этот талисман... Если бы я его дала, то наверняка попросила бы вас начертать его, тут и правда что-то не так.

Цянь Сыюй медленно шла в сопровождении Сицюэ. Госпожа Цянь смотрела на её лицо, так похожее на лицо Юй-нян, и в душе у неё воцарился хаос. Вопросы даоса породили в голове дерзкую догадку: неужели Чжэнь-эр не родная моя кровь? Неужели... Если нет, то почему она так похожа? Если нет, как она могла тайком пробраться в сарай, куда обычно не заходит? Если нет, откуда у неё защитный талисман? Только ребенок Юй-нян мог быть так похож на неё до мозга костей, только её ребенок мог ходить в сарай, чтобы встретиться с ней, и только её ребенок мог быть удостоен такой защиты. Неужели в ту ночь Юй-нян передала талисман, а я застала их? Нет, она же призрак, как она могла передать бумагу? Но если не так, то... как это объяснить?

— Матушка. — Цянь Сыюй приветливо улыбнулась и низко поклонилась.

Госпожа Цянь ответила коротким «угу» и отвела взгляд. Внутри неё боролись сомнения. Глянув на подол платья дочери, она вспомнила еще один способ проверить правду: у Юй-нян от рождения были короткие ступни, «золотые лотосы», дарованные небесами, ей не пришлось страдать от бинтования ног. Говорят, государь полюбил её именно за эти природные лотосы, охладев к другим наложницам. Неужели и мой муж...? От этой мысли в груди закипела ярость, сердце обожгло огнем. Она холодно произнесла:

— Чжэнь-эр, пойдем со мной в комнату, мне нужно кое-что спросить.

Цянь Сыюй кивнула, поклонилась даосу и пошла следом за матерью.

— Снимай обувь и носки, дай матери посмотреть на твои ноги. — Госпожа Цянь вошла в спальню и произнесла это бесстрастно.

Цянь Сыюй оглянулась на Сицюэ, затем на мать:

— Матушка, зачем?

Госпожа Цянь бросила взгляд на служанку, и Сицюэ поспешно помогла Цянь Сыюй сесть на край кровати и начала снимать обувь. Госпожа Цянь сказала:

— Когда тебе исполнилось пять, я хотела начать бинтовать тебе ноги, но, глядя на твои крошечные ступни и неуверенную походку, не решилась. Теперь ты уже взрослая, как ты найдешь достойного мужа без пары лотосов?

Цянь Сыюй посмотрела на свои ступни:

— Но матушка, какая связь между браком и ногами? К тому же мне всего шестнадцать, отец говорил, что в следующем году начнет искать жениха.

Госпожа Цянь нахмурилась:

— Что? Ты до сих пор считаешь себя ребенком? Ты уже почти старая дева. В обычных семьях девушки обручаются в шесть лет, в двенадцать выходят замуж. Даже дочери чиновников шестого-седьмого ранга в тринадцать лет уже замужем. А ты, дочь шаншу второго ранга, в шестнадцать всё еще в девках, неужели мне не тревожиться?

Её взгляд упал на ступни дочери: прошло одиннадцать лет, а они почти не выросли? Она подняла глаза на её лицо, и сердце сжалось. Сжав кулаки, она вышла из комнаты.

Цянь Сыюй в панике натянула один носок и крикнула вслед матери:

— Матушка, не сердитесь!

Сицюэ, держа в руках вышитый башмачок, прошептала:

— Госпожа, обувь.

Цянь Сыюй позволила служанке надеть обувь и забормотала:

— Что сегодня с матушкой? Она опять на меня злится.

Сицюэ, закончив, поправила носок:

— Госпожа, мать беспокоится о вас. Пока дочь не замужем, сердце матери не на месте. Она боится, что вы не найдете мужа, а если выйдете — что будете несчастливы.

В комнате стало тихо. Сицюэ подняла глаза, встретила взгляд госпожи и поспешно опустила голову:

— Простите, я лишнего наговорила.

Цянь Сыюй посмотрела в окно и тихо спросила:

— У Сицюэ тоже есть такая мама?

Сицюэ опустила голову еще ниже:

— Не знаю, я выросла в вашем доме, с самого детства играла с вами...

Когда она снова подняла голову, то увидела слезы в глазах госпожи и снова замолчала. Цянь Сыюй погладила её по голове, но тут снаружи раздался голос:

— Сицюэ, выйди вон.

— Слушаюсь, госпожа, — ответила Сицюэ и выбежала из комнаты.

Госпожа Цянь бросила сверток на скамью у кровати, присела и развернула его. Осколки фарфора зазвенели. Она выбрала крупный, изогнутый кусок:

— Чжэнь-эр, протяни ногу.

Цянь Сыюй испугалась:

— Матушка?

Госпожа Цянь схватила её за ногу и принялась снимать обувь:

— Если не бинтовать ноги, как я, ты никогда не станешь моей родной дочерью.

Цянь Сыюй смотрела на фарфоровый осколок, мерцающий в свете свечей, и отпрянула:

— Матушка, не надо! Сицюэ часто измеряла мои ноги, они не больше трех цуней, их не нужно бинтовать.

Госпожа Цянь толкнула её на кровать, снова схватила за ногу и рявкнула:

— Слишком широкие! Я сама сделаю тебе самые идеальные лотосы в мире.

С этими словами она прижала осколок к подъему ноги и с силой надавила. Острый край вонзился в кожу, брызнула алая кровь. Цянь Сыюй заплакала от боли, но чем больше она сопротивлялась, тем сильнее давила мать. Она не выдержала и зарыдала:

— Матушка, почему сейчас? Почему так больно?

Госпожа Цянь почувствовала укол вины, глядя на кровь на своих руках и на полу, и прошептала:

— Тише, Чжэнь-эр, это для твоего же блага. Посыпь золой из котла, и кровь остановится.

Она зачерпнула горсть сажки из свертка, посыпала раны, а затем взяла длинную полосу ткани и приняла туго забинтовывать ногу. Каждый виток отдавался такой болью, что Цянь Сыюй казалось, будто нога ей больше не принадлежит. При малейшем движении осколок впивался в плоть. Она до крови закусил губу, повторяя про себя: с древних времен женщины бинтуют ноги, такая у меня судьба, матушка права, она желает мне добра.

Сицюэ, притаившись у окна, смотрела на свои большие ступни. Бедная госпожа. Она вспомнила кровь и подумала: все говорят, что жизнь богатых дочерей — это роскошь и шелка, но кто знает о страданиях в глубине женских покоев? Хорошо, что меня продали в дом шаншу служанкой, мне не пришлось через это проходить. Она хотела улыбнуться, но вспомнила лицо Цянь Сыюй, искаженное болью, и готова была расплакаться. Она закрыла лицо руками, не зная, смеяться ей или плакать.

Когда госпожа Цянь вышла, она наказала Сицюэ, всё еще сидевшей под окном:

— Присмотри за госпожой, чтобы ноги не намокли, ни капли.

Сицюэ поспешно встала и поклонилась:

— Слушаюсь, госпожа.

Проводив её взглядом, она бросилась в комнату. Она обхватила окровавленные ноги госпожи, обмотанные тканью, и Цянь Сыюй прошептала обессиленно:

— Не надо, не трогай меня, Сицюэ...

На глазах у служанки она от боли потеряла сознание. Сицюэ смотрела на бледное лицо и закрытые глаза, не зная, куда деть эти ноги, и с трудом сглотнула. Спустя долгое время она издала хриплый крик:

— На помощь... помогите, госпожа упала в обморок!

У Пань Сяоси задергался глаз. Она потерла его и, опуская руку, случайно задела гонг. Скелеты начали скакать на месте, кости загремели. Глаз всё дергался, и она испугалась, что скелеты рассыплются. Она взглянула на Май Баобао:

— Баобао, как их остановить?

Май Баобао прокусила палец, капнула кровью на жетон из персикового дерева и прошептала заклинание. От жетона исшел красный свет. Она побежала вдоль строя, освещая скелеты, и те снова поскакали вперед. Пань Сяоси и Май Баобао побежали следом. Пань Сяоси спросила:

— Почему они ускорились? Прыгают быстрее, чем шли!

Май Баобао ответила:

— Ничего не поделаешь, спешить надо. Я думала, раз у них нет тел, талисманы не нужны, но, похоже, придется нарисовать несколько талисманов контроля духа и приклеить им на лбы, чтобы они не разбежались.

Пань Сяоси достала желтую бумагу и сложила пальцы:

— Этого... не хватит.

Май Баобао, не говоря ни слова, подскочила к последнему скелету, нарисовала талисман прямо на ладони и прилепила ему на лоб. Скелет замер. Пань Сяоси, увидев это, посмотрела на свою ладонь, попробовала нарисовать так же, догнала скелет и хлопнула его по лбу. Скелет

подпрыгнул, наступил ей на колено, затем на плечо и спрыгнул на землю, продолжая путь. Пань Сяоси в панике схватила скелет:

— Баобао, мой не сработал!

Так они вдвоем, хватая и приклеивая, провозились некоторое время, пока не собрали всех скелетов в строй. Май Баобао, тяжело дыша, сказала:

— В этом деле главное — спокойствие духа. Перестань отвлекаться, твоя тревога всё портит.

<http://bllate.org/book/19160/1881346>